

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М54

Серия «Звезды русского магического реализма»

Рисунок на обложке: *Наталья Гуркова*

Метелёва, Светлана
М54 Чернокнижник / Светлана Метелёва.— Москва: Изда-
тельство АСТ, 2018.— 348, [2] с. — (Звезды русского маги-
ческого реализма).

ISBN 978-5-17-105900-2

Конечно же роман Метелёвой насквозь литерату-
роцентричен — в качестве субстрата в нем сквозит не
только «Имя Розы» Умберто Эко, не только вся отече-
ственная литература о 90-х, но и плутовской роман, и
психоделические опыты в духе Хантера Томпсона, и черт
знает что еще... Однако вечная спутница подобной «ли-
тературности» — предсказуемость — «Чернокнижнику»,
в общем, не присуща. Автор ловко закладывает петли, то
пугая читателя чертовщиной, то успокаивая полным ее
разоблачением, то царапая реалиями «лихих 90-х», то
поглаживая книжными аллюзиями. <..> «Чернокниж-
ник» даст сто очков форы половине романов из шорт-
листа премии «Русский Букер».

Галина Юзефович

© Светлана Метелёва, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Лето 2004 года. Июль — разгар журналистского «бестемья»: ньюсмейкеры в отпусках, событий нет, писать не о чем. И вдруг — предложение от одного из тех, кого корреспонденты снисходительно именуют «источниками» — есть интересный человек. Когда-то совершил кражу века — вынес из библиотеки Института Маркса—Энгельса—Ленина, знаменитой «сталинки», больше шести тысяч раритетных томов. Отсидел — вышел. В тюрьме пережил серьезный душевный переворот — и теперь собирается искать у букинистов те книги, что десять лет назад им продавал, выкупать — и возвращать государству.

Так я познакомилась с Борисом Гореловым.

Несколько встреч по делу — интервью, уточнение деталей, проверка материала — я придумала Боре прозвище «Чернокнижник», потому что в се-

Предисловие

редине 90-х он буквально обрушил черный рынок антикварных книг. А потом случилось чудо — как и положено: после статьи Бориса с моей помощью нашел ректор одного из московских вузов, того, что занимал здание на Вильгельма Пика, откуда когда-то Горелов выносил свою добычу. Чернокнижнику Горелову предложили должность директора Особой секции библиотеки. Это была *та самая* секция. Десять лет назад он выносил оттуда первые и вторые издания, раритетные сокровища, потом — когда вышел из тюрьмы — искал украденное, собирал у себя дома, и вот наконец ему дали возможность поставить на полку те книги, что он когда-то с этой полки взял. Про Бориса сняли документальный фильм; мы продолжали созваниваться, встречаться, разговаривать. В конце концов он дал мне свой дневник. Не могу сказать, что он произвел на меня какое-то особенно сильное впечатление. Но там были рисунки Бориного тюремного кореша, киллера. Вот их я до сих пор не могу забыть. Киллер рисовал прекрасно — ему особенно удавались люди. Но у всех его портретов не было глаз.

Летом 2006 Борис рассказал о своей «охоте»: он давно, уже больше года, искал первое издание «Утопии» Томаса Мора, которое исчезло из библиотеки еще до него, и он догадывался, кто, как и при каких обстоятельствах его украл.

В октябре 2006-го мне позвонили — какой-то общий знакомый; сейчас не вспомню даже его имени. Он сказал: «Боря умер».

Предисловие

Последний раз я видела Горелова в больничном морге. В смерти Черно книжник стал совсем иным. Исчезло вечное беспокойство; в этом мертвом лице не было и следа тех метаний, которые, кажется, составляли самую суть этого человека.

Я пыталась выяснить, что стало с дневником — не иллюзорным, а другим, настоящим. Никто не знал. После смерти Бориса в его квартире не нашли ни одной из трех толстых тетрадей, исписанных карандашом.

И тогда я написала свой вариант Бороного дневника.

Разумеется, это значит, что ни о какой достоверности в этой книге не может быть и речи. Перед вами — художественное произведение. Авторский вымысел. Литературный произвол. Однако некоторые моменты требуют уточнений, иначе текст будет не вполне понятен. Это, конечно же, названия глав в первой части. Я обратила внимание на какие-то неоправданные заголовки еще в 2005-м, когда впервые читала Борины записи. Горелов объяснил: мировая литература знает двенадцать «бродячих сюжетов». Их достаточно, чтобы изложить любую историю; описать любую судьбу. Я оставила это без изменений. В тексте встречаются цитаты — это тоже не случайно: Борис собирал истории книг и книжных воров, что-то переписывал, какие-то вырезки из газет и журналов просто вклеивал в свой дневник. Я воспроизвела то, что помнила, ибо кто скажет точно, где в книге нашей собственной

Предисловие

жизни заканчивается авторская речь и начинается безудержное цитирование?

Разумеется, имена собственные я изменила — все, кроме одного.

Осталось нетронутым только имя московского Чернокнижника Бориса Горелова.

Светлана МЕТЕЛЁВА

ПРОЛОГ

...Умер я в конце октября, в палате одной из московских больниц. Последние судороги почти сутки терзали догорающее тело. Словно что-то суешилось внутри меня, металось и вздрагивало, вспышками боли напоминая, что еще не конец. Я все время пытался пристроить на больничной койке руки и ноги, но никак не мог; неудобно было лежать смирно, ворочаться еще неудобнее, будто суставы и сочленения уже не находили себе места на этом свете. Ощущение, что тела моего слишком много, преследовало меня, вторгалось в последние проблески сознания и очень мешало.

Не было в смерти ничего трагического или страшного, а было только омерзительное и отталкивающее. И пока меня выжигало изнутри, я понял всем своим убывающим существом, что нет никакой духовной гибели, а лишь одна телесная. А гибель телесная, как и рождение,— это боль и смрад, тяжесть земли в воде и содрогания воды в огне.

Пролог

Театром теней представляли картины будущего и прошлого — однако будущее уже случилось, а прошлое только должно было наступить. И все время неостановимо говорил голос — вроде бы мой. Голос рассказывал, объяснял, описывал — разное, на разных языках, но — странно — одними и теми же словами. И это сильнее всего остального мучило меня, заставляло изгибаться и корчиться неуклюжее тело и помертвелую душу. Страшно мне было то, что не заслужил новых, других, слов, а значит, и новой судьбы. И метался я в одиночной камере своего сердца, спорился, гремел цепями и — говорил, говорил, говорил; рассказывал, что было со мной и чему суждено произойти; и жаждал тишины — а ее не было; хотел замолчать — и не мог.

...И по-прежнему пребывало Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ФАТАЛЬНАЯ НЕВОСТОРОЖНОСТЬ

Май 1994 года

— В начале было Слово и Слово было у Бога...

Странный человечек в длинном и белом балахоне с грязными разводами стоял на Арбате, в самом его конце, недалеко от Смоленки. У фонарного столба, за кафедрой, утащенной неизвестно откуда... Перед ним лежала раскрытая книжка, обернутая в газету, он придерживал страницу пальцем, но в текст не заглядывал — шпарил наизусть. Я прислушался.

— Слово ваше да будет с благодатью, приправлено солью. Соль-мудрость и благодать-огонь, а сердце ваше — духовная кухня, и там не место консервам...

Бред. Я постоял рядом еще пару минут. Потом стало скучно — зашагал дальше.

Беззаботные молодые лабухи тарабанили что-то из битлов, худая девчонка в огромных солдатских ботинках, легко улыбаясь, подносила прохожим шапку-ушанку — в ней, как делегаты Коминтерна, собирались валюты разных стран.

Чуть подалее наткнулся на процессию: «Харе Кришна» точно были под кайфом — я-то сразу понял. Звенели браслеты и колокольчики, розовые сари ярким пятном выделялись на фоне темных плащей и ветровок. Приезжие удивлялись появлению такой экзотики, иностранцы удивлялись появлению такой экзотики в Москве, и только привыкшие ко всему москвичи не реагировали, торопясь по своим делам.

Голова кружилась, окружающее заползло внутрь, переполняло. Всякий раз нахожу Москву еще более чудной и сумасшедшей. Вроде и не был всего ничего, года два. А совсем другой город. У каждой станции метро продают Библию. Читают вслух. Кто-то призывает каяться. Вступать в братство. Отречься от дьявола и его дел. Новая волна, что ли? Все вдруг уверовали? Да нет, непохоже...

...Тем майским вечером все началось: только что освободелся я из тюрьмы и шагал по Москве, улыбаясь воле. Я — ловец фарта, вечный игрок, авантюрист по призванию и по жизни; трижды судим: мошенничество, мошенничество, наркотики. Тезка президента — Борис Николаевич, фамилия Горелов; родился в Харькове, но всем своим прошлым и настоящим связан с Москвой: сюда возвращался и битым псом, и козырным тузом. И в тот раз с легким сердцем и чистой совестью рванул в Первопрестольную, радуясь, что перелистнул страницу, где были нары, граждане начальники и мрачные хари сокамерников. Весь этот теплый день гулял я по Москве: Арбат — от Смоленской вниз, к Манежу; мимо Большого театра — к Лубянке; дальше — к Плешке и налево. Солнце жмурилось, жизнь

Фатальная неосторожность

улыбалась. Свернув с Покровки в Лялин переулок, я забрел в какой-то двор. И услышал.

Хаос режущих звуков обрушился сверху. Память услужливо подсунула картину: толстая тетка с белыми волосами выкручивает мне пальцы, чтобы «правильно поставить руку» на клавишах аккордеона, а я, сжав зубы, с наслаждением повторяю про себя запретное «с-сука». Всего год я оттрубил в музыкальной школе — до сих пор числю его своим первым сроком.

Я поднял голову, пытаюсь определить — откуда? На мгновение поверил, что — галлюцинация, отрывка вчерашнего прихода. Но музыка была: из окна второго этажа выплескивалась, как кипяток на кошку. Что? Скрипка. Снова. И еще инструмент. Какой? Не понять. Мелодии нет, гармонии нет, один темный ужас. Метания, боль, отчаяние, глухое и беспросветное, — вот что отчетливо слышалось мне. Вздрогнул, ошпаренный, потом застыл на несколько минут. Хотелось запустить в это окно камнем — а может, подняться и узнать, что за пассажир записал нотами бред и тоску, душевную болезнь, наркотическую ломку...

Я и не думал тогда, что адская скрипка пророчила мою собственную, странную и слепую судьбу...

Минуты три стоял остолбенело, потом стряхнул сразу, вспомнил: а ночевать-то мне негде.

Работающий телефон-автомат, большая редкость в эпоху коренных социальных преобразований, с трудом, но нашелся; звонок, другой, третий; знакомые, друзья, бывшие любовницы; варианты нарисовались — только в путь. Можно было пожить у Алика — чеченцы народ гостеприимный, но там и без меня тесно.

Отчего-то хотелось мне побыть одному. Знай я тогда, чем обернется решение поискать ночлег, остался бы на улице.

Но — выбрал. Пересекались с Юриком у метро — перекинулись парой фраз — вот ключи, Боря, это мой бывший офис, только позавчера съехали, пока свободно. Ему, как всегда, было некогда: по-быстрому сунул мне сверток «со всем необходимым» — и побежал дальше. А я отправился на улицу Вильгельма Пика, станция метро «Ботанический сад». Вот и он — дом четыре, «помещения под офис», бывший Институт марксизма-ленинизма.

Уже перед самым входом в большое серое, с колоннами, здание я притормозил, прочувствовал ситуацию — пустили жигана в мавзолей пересидеть. Видалась мне в этом какая-то справедливость: двадцать лет назад ленинизм катапультировал меня из кабины честной жизни, а теперь пусть подвинется — я заночую.

А было так: пятый курс Харьковского университета, весна с запахом сирени. Тогда мы собирались в общаге — своя компания, «три тройки», все в дыму; курили до одурения — кто-то «Шипку», девицы — входившие в моду «Родопи» и «Варну». Жаркие поцелуи на кухне — и жаркие беседы о высоком: так было принято — бухать, но интеллектуально, под разговоры. И была моя фраза: если в работе Ленина слова «первичная партийная организация» заменить на «преступное сообщество», а «партийная касса» на «общак», то получится исчерпывающее руководство для воров. Смеялись...

Фатальная неосторожность

Говорят, с последнего курса не выгоняют — ерунда: пинком под зад — за «антиобщественное поведение» — под крылышко к дяде Паше-соседу. А он был — вор, даже не так — Вор, с большой буквы. Его весь район знал, уважал и боялся.

Как наяву слышал я его голос — усталый, хрипловатый: «экспроприациями, Боренька, занимаются пролетарий и колхозник. Вор берет, потому что он этого хочет. Настоящий вор не возьмет последнее». Рассказывал: в войну хлебные карточки крали не воры, а порядочные граждане — по причине голодного желудка, потому что «сознание, Боря, царствует, но не управляет». Управляет стая, она и защищает, но у воров — не ограничивает. И общак не партийная касса, потому как не уходит в партийные распределители... Топорщились седые усы; над впалыми щеками, вокруг глаз, расходились глубокие морщины. Взгляд у него был тяжелый, цепкий — внутри ни зла, ни добра, одно спокойствие. Даже грозил и наказывал он, не меняясь в лице — но это увидел я гораздо позже. И — не боялся. Ни сесть, ни потерять — ничего не боялся. А еще — любил повторять время от времени: если бы богатые могли нанимать нищих умирать за них, нищие бы хорошо зарабатывали...

Дальше — как положено: засосала опасная трясина. Но — пусть, я себя не жалел; я был одиночкой; к стаду не прибился — и славно.

Сумрак в коридорах, кабинеты заперты — рабочий день давно закончился. Не считая охранника, на этаже никого. В общем, устроился уютно — на забытом диване в пустой комнате, укрывшись пальто. Лежал, курил,

думал. Все пытался поймать за хвост странную закономерность — ту волну, что накатывала и бросала меня на густо заселенную тварями землю, чтобы я всякий раз тонул в прибрежном дерьме.

Не сказать, что неудачник,— нет; и карта, бывало, шла, и фишка ложилась, как надо,— только вот финал всегда был одинаков: стоять, руки за голову. Сначала — как у всех: вы арестованы. Это потом уж примелькалась операм моя рожа, стали узнавать, обращаться по имени — зауважали. Тоже нюанс, очень, кстати, интересный: никогда не помогал следствию, а сроки получал минимальные. Может, не так все и глухо? Может, хранит меня судьба — в тех пределах, что я ей обозначил? А если бы выбрал я иную дорогу — тоже хранила бы? Только по-другому, но тогда — как? Вопросов накопилось слишком много, искать ответы на сухую было бессмысленно; я затушил сигарету и уснул.

Встал наутро с тяжелой головой и плохим настроением — всю ночь за мной гонялся троллейбус. Снилось, что я в инвалидной почему-то коляске пытаюсь от него уехать — и никак: вот он, все ближе и ближе, и ни одного переулочка рядом.

Умылся в туалете на этаже, набрал в чайник воду, на обратном пути заметил: несколько кабинетов открыты — все, закипела работа в стране дураков. На всякий случай поздоровался со встреченной в коридоре уборщицей; она не ответила, глянула злобно. Сразу понял: отсюда жди неприятностей; тут же себе возразил — да и черт с ней. Все равно оставаться тут надолго резона нет.